

НАЧАЛО ТЕРРОРА И КАЗАНСКАЯ ССЫЛКА

Даже человек, слабо и поверхностно знакомый с литературой об опричнине, хорошо знает, что важнейшим признаком опричного режима был террор. Созданный царем особый двор и особое опричное войско должны были стать опорой царя в борьбе с «изменниками». Дело не только в том, что царь намеревался жестоко наказывать поданных за «измену» и «непослушание», видя в этом единственный надежный путь к укреплению государства. Иван IV и его окружение, как представляется, понимали, что избранная ими политика, наносившая ущерб интересам многих сотен людей, которым приходилось покидать насиженные места, не пользуется поддержкой широких кругов дворянства и может натолкнуться на сопротивление. Террор должен был утратить несогласных и лишить их воли к сопротивлению. Царь не случайно требовал и добился того, что Боярская дума и церковь отказались от всякого «печалования» за опальных, судьба которых теперь должна была определяться всецело волей царя.

Первые казни начались вскоре после возвращения царя из Слободы в Москву. Как отмечено в официальной летописи, в феврале 1565 года «повеле царь и великий князь казнити смертною казнью за великие их изменные дела боярина князя Олександра Борисовича Горбатова да сына его, князя Петра, да околничего Петра Петрова сына Головина да князя Ивана княже Иванова сына Сухова-Кашина да князя Дмитрея княже Ондреева сына Шевырева». Наиболее видной фигурой среди казненных был князь Александр Борисович Горбатый, один из героев взятия Казани и первый русский наместник в завоеванном городе. Выдающийся полководец, видимо, давно был в немилости у царя, так как с начала Ливонской войны не получал никаких военных назначений. О том, какие «великие изменные дела» инкриминировались Горбатову, позволяет судить одно место в «Послании» Таубе и Крузе. Здесь среди обвинений царя в адрес бояр встречаем утверждение, что они «хотели сделать своим государем выходца из рода Garbatta» (Горбатовых). Правдоподобие этим обвинениям придавало то, что род суздальских князей, одним из старших представителей которого был князь Александр, среди княжеских родов потомков Рюрика занимал почетное первое место. Курбский, рассказывая в своей «Истории о великом князе Московском» о казни Горбатого, отметил, что «княжата суздальские влекомы от роду великого Владимира и была на них власть старшая руская между всеми княжаты боле двусот лет». В 1547 году князь Александр Горбатый выдал дочь Ирину за князя Ивана Федоровича Мстиславского и, следовательно, находился в родстве с царским домом. После казни князя Александра и его сына Петра род Горбатовых пресекся, их родовые вотчины отошли к царю, который позднее распорядился ими в своем завещании. 12 февраля он прислал в Тро-

ице-Сергиев монастырь 200 рублей — заупокойный вклад по князе Александре.

Казнь одного из наиболее знатных вельмож, находившегося в родстве с самим царем, должна была послужить для всех убедительным свидетельством, что времена «печалований» закончились, что самое знатное происхождение и самое высокое положение не смогут спасти виноватого от царского гнева.

После смерти Александра Горбатого казни продолжались, но они уже стали обыденным явлением, и официальная летопись перестала о них упоминать. Казни опричного времени отличает ряд особенностей, отмеченных и Курбским в «Истории о великом князе Московском», и немцами, служившими в опричнине.

В том, что виновного в измене карали смертной казнью и конфискацией имущества, не было ничего принципиально нового, такова была традиционная норма права, хотя наказание подчас и смягчалось благодаря «печалованию» духовных иерархов и светских вельмож. Новое заключалось в том, что теперь сам царь, своим произвольным решением, без всякого «суда и исправы», мог определять, кто именно является изменником. Как отмечают Таубе и Крузе, приказы убить того или иного человека царь неоднократно отдавал в церкви во время одной из столь частых и долгих церковных служб. И Курбский, и немцы-опричники свидетельствуют, что многие убийства совершались внезапно, в самый неожиданный для жертвы момент — в суде, в приказе, на улице или на рынке. Делалось это, очевидно, для того, чтобы приговоренный к смерти не успел покаяться и получить отпущение грехов. По существовавшим в то время понятиям лиц, умерших без покаяния, священник мог отпевать, не облачаясь в ризы, а хоронили их вне ограды кладбища. Однако и на такое погребение люди, которых постиг гнев царя, не могли рассчитывать. По свидетельству Таубе и Крузе, «казненный не должен был погребаться в его (царя Ивана. — *Б.Ф.*) земле, но сделаться добычей птиц, собак и диких зверей». Можно представить себе, какой ужас вызывали эти казни, которые не только лишали людей жизни, но и создавали угрозу спасению их душ. Трупы казненных нередко разрубали на куски или бросали в воду. Наконец, как показало изучение монастырских книг и синодиков, ни царь, ни родственники казненных не делали вкладов за упокой их души (вклад по Александре Горбатом — редкое исключение), тем самым их души и на том свете лишались представительства и заступничества со стороны церкви.

Такое отношение к изменникам вытекало из убеждения царя, что те, кто препятствует ему в исполнении возложенной на него Богом священной миссии, сами поставили себя за пределы христианского мира, заслуживают самых страшных наказаний на земле и не могут рассчитывать на спасение своей души. Это убеждение с большой силой отразилось на страницах Первого послания Курбскому. «Аз же

исповедаю и свем, — писал царь, — иже не токмо тамо (то есть на том свете, в загробном мире. — *Б.Ф.*) мучение преступающим заповеди Божия, и zde Божия праведного гнева по своим злым делом чашу ярости Господня испивают и многообразными наказании мучатся, а по отшествии от света горчайшее осуждение приемлюше».

В ответ на угрозы Курбского, что казненные царем «у престола Господня стояще... отмщения на тя просят», царь восклицал: «Убиенных же по своим изменам у престола Владычня предстояти как возможно есть». Высказывался царь и более конкретно. Так, обращаясь к Курбскому, он писал, что раз князь сам поставил себя изменой вне христианства — «и по сему убо несть подобно и пению над тобою быти» (то есть по изменнику после его смерти не должны совершаться заупокойные службы).

В себе царь видел оружие Божьего гнева, очищающее православную землю от носителей зла. Не случайно в «Записках» Штадена, сохранивших некоторые отголоски опричной пропаганды, по поводу казни опричников, нарушивших клятву на кресте не общаться с земскими, читаем слова: «и таких наказывает Бог, а не государь». Такое убеждение ясно проявилось в поступках царя еще до учреждения опричнины. Показательно в этом плане, как он поступил с полоцкими евреями. Как отметил псковский летописец, Иван IV после взятия города «велел их и с семьями в воду в речную вметати». Это можно было бы считать актом бессмысленной жестокости. Однако, по сообщению польского хрониста Александра Гваньини, евреев утопили в Двине после того, как они «не захотели принять святое крещение». Евреи были для царя очевидным воплощением зла (они не признали истинного Бога, подвергли его мучительной казни и продолжают упорствовать в своих заблуждениях несмотря на распространение истинной веры по всему миру), а зло должно быть искоренено. Им не помогло и то, что, согласно сообщениям Штадена, они «предлагали великому князю много тысяч флоринов выкупа». Изменники же в представлении царя были, вероятно, немногим лучше евреев.

Таубе и Крузе с некоторым недоумением писали, что для совершения убийств царь не использует ни палачей, ни слуг, а только «святых братьев» (то есть членов созданного царем опричного «братства»). Братья пользовались для этого острыми наконечниками своих посохов и длинными ножами, которые носили под рясами. Однако в свете всего сказанного выше такое поведение царя вполне понятно. Доверенную Богом царю миссию по очищению православного царства от носителей зла могли исполнять не всякие люди, а лишь облеченные его доверием, достойные быть допущенными к исполнению столь важного дела.

Первый год существования опричнины был отмечен не только убийствами и казнями. Тогда же царь осуществил и ряд других мер, которые показывают, что своеобразный политический переворот в

стране был предпринят не только для того, чтобы покарать за измену отдельных вызвавших его недовольство подданных. После рассказа о первых казнях в Москве составитель официальной летописи отметил: «А дворяне и дети боярские, которые дошли до государские опалы, и на тех опалу свою клал и животы их имал за себя: а иных сослал в вотчину свою в Казань на житье з женами и з детми». Официальный летописец не объяснил, кого именно царь сослал в Казань. Ответ на это дает запись в «Разрядных книгах»: «Тово же году послал государь в своей государской опале князей Ярославских и Ростовских и иных многих князей и детей боярских в Казань и в Свияжской город на житье и в Чебоксарской город». Почему в «Разрядных книгах» появилась такая не характерная для этого источника запись, будет объяснено ниже.

Как следует из записи «разрядов», опале и ссылке подверглась самая знатная часть дворянского сословия — князья Рюриковичи. Сохранившиеся податные описания Казанского и Свияжского уездов, исследованные Русланом Григорьевичем Скрынниковым, позволяют составить более конкретное представление о круге лиц, подвергшихся опале.

В Казань были сосланы десятки князей не только ярославских и ростовских, но и стародубских — еще одной ветви потомков Рюрика. В Казанском крае они получили дворы в городах и поместья из фонда государственных земель, образовавшегося после присоединения Казанского ханства и гибели в войнах 50-х годов значительной части татарской знати. Родовые же их вотчины как владения лиц, подвергшихся опале, переходили под власть царя. В ряде документов отмечены составленные в 1565 году книги подьячего Максима Трифонова, «отписывавшего на государя» княжеские вотчины в Ярославском и Стародубском уездах. Не исключено, что посещение царем осенью 1565 года Ростова и Ярославля (о чем сообщает официальная летопись) было вызвано желанием лично проконтролировать, как выполняется его распоряжение. Утратив родовые вотчины, принадлежавшие им на протяжении веков, князья ростовские, стародубские и ярославские превращались в зависимых от правительства владельцев поместий в далеком, чужом, недавно завоеванном крае, где они не имели никаких корней.

Но этим дело не ограничилось. Их ссылка в Казань означала не только смену статуса их земельной собственности, но и решительные изменения их места на лестнице сословной иерархии. В состав «государева двора», в котором ростовские, стародубские и ярославские князья до опричнины занимали видное и почетное место, не входили представители дворянства окраин — Поволжья (начиная с Нижнего Новгорода), Смоленщины, Северной земли. Поэтому превращение князей — потомков Рюрика в помещиков среднего Поволжья означало их фактическое исключение из состава двора как объедине-

ния людей, причастных к управлению Русским государством. В новом положении они могли рассчитывать на какую-то карьеру лишь в пределах Казанского края. Именно поэтому и появилась запись в «Разрядных книгах» — со ссылкой в Казань ростовские, стародубские и ярославские князья уже не могли претендовать на военные и административные должности общегосударственного значения и участвовать в местнических спорах. К этому следует добавить, что на территории Казанского края, недавно завоеванного и управлявшегося по-военному, во второй половине XVI века не существовало тех органов сословного самоуправления, которые были созданы на территории России в ходе реформ 40 — 50-х годов XVI века. Таким образом, казанские ссыльные не могли здесь пользоваться всеми теми правами, которыми к середине XVI века пользовалось в общем порядке русское дворянство.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что в результате мер, осуществленных новой, опричной властью, часть дворянского сословия, занимавшая самое почетное и видное положение, была отодвинута на периферию общественной жизни. Если к этому добавить, что по указу об учреждении опричнины в состав опричного государства был включен Суздаль и суздальские князья (еще один род потомков Рюрика), не принятые в опричнину, должны были проститься со своими родовыми вотчинами, то станет окончательно ясно, какая часть дворянского сословия стала объектом репрессий после учреждения опричнины.

Изучая внимательно материалы о казанской ссылке, Р. Г. Скрынников сделал одно важное наблюдение, которое позволяет уточнить наши представления о том, кто именно подвергся репрессиям. К середине XVI века далеко не все из князей — потомков Рюрика владели вотчинами в своих старых родовых гнездах, многие из них уже были связаны с различными уездами, где находились их новые владения, подчас весьма далеко от старой родовой территории. Эти члены княжеских родов не подверглись гонениям и не были сосланы в Казань. Некоторые из них, напротив, попали в особый двор царя при учреждении опричнины и сделали там успешную карьеру. Примером может служить известный воевода второй половины XVI века князь Дмитрий Иванович Хворостинин. Член ярославского княжеского рода, он не имел земель в Ярославле, а служил как сын боярский сначала по городу Белой, а затем по Коломне. Уже в 1565 году он был воеводой в опричном войске, посланном против татар. Таким образом, репрессиям подвергались только те члены княжеских родов, которые имели родовые вотчины в своих старых родовых гнездах.

Чем аргументировал царь необходимость принятия новой опричной властью именно таких, а не каких-то иных мер? Прямого ответа на этот вопрос источники не дают. Можно лишь предполагать, что в князьях — потомках бывших удельных «государей», царь видел силу,

угрожавшую единству государства, и подозревал их в намерении снова разделить Россию на удельные княжества. Характерно в этой связи, что Курбского — члена княжеского ярославского рода, царь после его побега обвинял в том, что тот хотел «в Ярославле государити». Сходным образом понимали дело и некоторые исследователи нашего времени, начиная с такого выдающегося историка рубежа XIX—XX веков, как Сергей Федорович Платонов. Главной заслугой Грозного в их глазах было то, что репрессиями против княжат он устранил угрозу государственному единству. Однако не следует ли видеть в таком понимании исторических явлений дальний отголосок дилеммы, сформулированной в русском общественном сознании самим Иваном IV, — либо неограниченная власть государя, либо многоначалие, анархия, распад? Действительно ли знать (прежде всего ее верхушка — члены княжеских родов) серьезно задавалась мыслями о расчленении государства?

Практика «боярского правления», показавшая неспособность захвативших власть знатных родов наладить эффективное управление государством, свидетельствует в том числе и о том, что бояре использовали в своих интересах существующий государственный аппарат, не пытаясь заменить его каким-либо другим. Более того, когда в 1540 году малолетнему Владимиру Старицкому был возвращен удел его отца, стоявшие у власти бояре позаботились о том, чтобы на территории княжества были «пожалованы» владениями «дети боярские великого князя», что делало самостоятельность княжества эфемерной. Следует обратить внимание и на активное участие знати в проведении реформ 50-х годов, устанавливавших единые порядки на всей территории государства.

К весьма интересным в этом плане результатам приводит анализ взглядов человека, вышедшего как раз из среды княжат — потомков бывших удельных государей — князя Андрея Михайловича Курбского, члена ярославского княжеского рода и владельца родовых вотчин в Ярославском уезде. Свое главное сочинение, «Историю о великом князе Московском», он написал в эмиграции, в Великом княжестве Литовском — государстве, традиционно враждебном России. Ничто не мешало Курбскому в этой среде говорить о необходимости восстановления удельных княжеств. Однако ничего подобного в его сочинении не обнаруживается. Правда, он не дает характеристики того, каким, по его мнению, должен быть государственный строй России (не считая пожеланий, чтобы правитель считался с мнением своих советников), но об этом можно судить по ряду косвенных данных. Так, в «Истории» Курбский выступает горячим сторонником войны с мусульманскими царствами и наступления на них. Он горько порицает царя Ивана за то, что тот не послал войска для завоевания Крыма, как ему советовали Курбский и другие бояре. С одобрением писал Курбский и об успехах русских войск в Ливонии и завоевании находящихся-

ся там «крепких градов». Очевидно, что такую масштабную и активную внешнюю политику, сторонником которой был Курбский, могло вести только сильное единое государство.

Все это, однако, не означает, что для мер, предпринятых царем, не было никаких оснований. Власти действительно могла угрожать со стороны княжеских родов серьезная опасность. Чтобы выяснить, в чем могла заключаться эта опасность, следует установить, какие особенности отличали князей-владельцев родовых вотчин от других слоев и групп в составе русского дворянства.

Разнообразные исследования показывают, что землевладение бояр московских великих князей (как, вероятно, и бояр других княжений, на которые делилась средневековая Русь в эпоху феодальной раздробленности) сформировалось сравнительно поздно — уже в XIV—XV веках, главным образом за счет княжеских пожалований. Владения не только членов виднейших боярских родов, но и князей Гедиминовичей, выехавших на русскую службу и породнившихся с великокняжеской семьей, были разбросаны по многим уездам, не образуя никакого компактного единства. Так, земли, отобранные у Федора Свибла, боярина Дмитрия Донского, состояли из 15 владений, расположенных в семи уездах. Владения князя Ивана Юрьевича Патрикеева, потомка Гедимины и двоюродного брата Ивана III, складывались из 50 владений, расположенных в 14 уездах. При этом владения членов одних и тех же родов могли располагаться в совершенно разных уездах. Совсем иной характер имело родовое землевладение княжат. Это были земли, унаследованные ими от предков — бывших удельных государей. Поэтому, в отличие от владений московского боярства, родовые вотчины князей располагались компактно на территории того княжества, которым некогда владел их предок. Нормы права, установившиеся, по-видимому, еще в правление Ивана III, способствовали сохранению этих вотчин в руках княжат, запрещая продавать их родовые земли «мимо вотчич» (то есть за пределы круга родственников). Наличие в руках княжеских родов компактно расположенного значительного родового землевладения делало их влиятельной силой на территориях их бывших княжеств, центром притяжения для местных землевладельцев. Так, в тверских податных описаниях середины XVI века сохранились многочисленные сведения о местных детях боярских, служивших князьям Микулинским — членам тверского княжеского рода, вымершего еще до начала опричнины.

Другим источником силы и влияния представителей княжеских родов было то положение, которое они занимали на лестнице сословной иерархии. В обществе, где военные и административные назначения производились в соответствии с «породой» — благородством происхождения, принадлежность княжат Северо-Восточной Руси, как и самого царского рода, к потомкам Рюрика давала им целый

ряд важных преимуществ в борьбе за участие во власти. Показательна в этой связи структура списка членов «государева двора» 50-х годов XVI века — так называемой «Дворовой тетради». При оценке данных этого источника следует иметь в виду, что порядок перечисления в документах такого рода не был чем-то нейтральным, безразличным для русского дворянства XVI—XVII веков. В XVII веке известны местнические споры между отдельными «городами» — уездными дворянскими корпорациями из-за порядка перечисления «городов» в тексте оглашавшихся перед дворянским ополчением царских указов. В «Дворовой тетради» списки князей-владельцев родовых вотчин предшествуют перечислению уездных дворянских корпораций, который открывается Москвой. Так сам порядок перечисления показывает особое, исключительное место княжеских родов в структуре дворянского сословия. Особое место на лестнице сословной иерархии и наличие компактно расположенного родового землевладения — все это давало княжеским родам гораздо больше возможностей занимать самостоятельную позицию по отношению к государственной власти, выдвигать по отношению к ней какие-то требования.

Следует отметить и еще один фактор, определявший особое положение княжеских родов, — фактор психологический. К середине XVI века князья — потомки Рюрика ощущали себя жителями единого Русского государства, «слугами» его единственного главы — великого князя Московского, затем — царя. Однако в их среде сохранялась память о том, что создание этого государства происходило с ущемлением интересов их предков; здесь сохранялось критическое отношение к действиям государей, неоднократно в своих политических интересах нарушавших установленные нормы. Бесспорные свидетельства существования такой традиции дает «История о великом князе Московском». Разумеется, далеко не все оценки и сообщения, содержащиеся в этом сочинении, можно использовать как доказательство существования подобной традиции. Что касается оценок, то следует учитывать возможную радикализацию взглядов Курбского в условиях эмиграции и жизни в среде литовской знати, давно и традиционно считавшей русских правителей «тиранами». Что касается фактов, то, например, часть неблагоприятных для Василия III сообщений Курбский мог заимствовать из известной ему книги австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна «Записки о Московии» (впрочем, сам Герберштейн, возможно, почерпнул какие-то из этих сведений из бесед с дедом Андрея Курбского). Однако за вычетом того, что могло быть заимствовано у Герберштейна, в «Истории» остается много сообщений, восходящих, судя по всему, к неписаной, критической по отношению к московским государям традиции, существовавшей в той среде знати, из которой происходил Курбский. Примером может служить рассказ «Истории» о событиях, связанных с арестом новгород-северского князя Василия Шемячи. Этот наи-

более крупный из «служилых» князей Юго-Западной России, близкий родственник царской семьи, в начале 20-х годов был приглашен в Москву и, хотя сам митрополит гарантировал ему безопасность, арестован и брошен в тюрьму. Рассказ об аресте Шемячича Курбский мог прочитать в книге Герберштейна, но продолжение рассказа уже не находит никакого соответствия в сочинении ученого австрийца. Когда после ареста и заточения Шемячича Василий III посетил Троице-Сергиев монастырь, игумен монастыря Порфирий стал добиваться от него освобождения арестованного: «Аще... приехал еси ко храму безначальные Троицы от трисиянного Божества милости грехов просити, сам буди милосерд над гонимыми от тебя бес правды». Разгневанный великий князь приказал выгнать игумена из монастыря, а Шемячича «повелел... удавити вскоре».

В среде князей — потомков Рюрика, хорошо знавших, что они принадлежат к тому же роду, что и правитель, власть и личность монарха не были окружены таким ореолом, как в глазах других слоев дворянства.

Выше мы уже пришли к выводу о том, что к началу 60-х годов XVI века Россия оказалась на историческом перекрестке, когда развитие могло пойти либо по пути дальнейшего формирования сословного общества, по пути превращения сословий в сложные самоуправляющиеся структуры, в руки которых перешел бы ряд важных функций, принадлежавших традиционно государственному аппарату, либо по пути дальнейшего укрепления государства и подчинения его власти формирующихся сословных структур. В силу описанных выше особенностей своего положения и сознания слой княжеской аристократии, владеющей родовыми вотчинами, как раз и мог стать ядром консолидации формирующегося дворянского сословия в борьбе за расширение своих сословных прав. Меры, принятые царем, решительно отодвигали эту часть дворянства на периферию жизни русского общества и, следовательно, исключали перспективу такого пути развития страны.